

Светлана
АЛЕШИНА

ВНИЗ **ТОРМАШКАМИ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина
Вниз тормашками
Серия «Новая русская»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961876

Алешина С. В. Вниз тормашками: Повесть.: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07972-6

Аннотация

Не хотела Лариса Котова, владелица ресторана «Чайка», сниматься в кулинарной телепередаче, и дурные предчувствия ее не обманули. Оператор Дима Ласточкин отведал приготовленный ею черепаховый суп и... умер на месте. Как выяснилось позже, от отравления мышьяком, который был насыпан в банку вместо приправы. А на банке – отпечатки пальцев Котовой... Чтобы избежать обвинения в убийстве, пришлось ей начать свое расследование. Димины невеста рассказала, что незадолго до гибели ему удалось заснять компромат на крупного чиновника, но кассета бесследно исчезла. А также Лариса выяснила, что своя порция смертоносного супа предназначалась и директору программы Алексею Дарьину, который лишь чудом избежал гибели. Но преступник таки довел дело до конца: Алексея убили, ударив по голове тяжелой вазой. Что ж, теперь надо выяснить, кому телевизионщики перешли дорожку...

Светлана Алешина

Вниз тормашками

Такси притормозило возле тротуара в десять часов одиннадцатнадцать минут. Пассажир отметил время, натянул пониже козырек кепки, сунул водителю сотню и вышел из «Жигулей». Мощенная блочными плитами дорожка, по краям которой росли высокие ели, темно-синие в неестественном свете электрических фонарей, шла прямо к высоким ступеням из серого железобетона, которые, в свою очередь, вели к небольшой речной двери с металлической табличкой «Муниципальное учреждение города Пескарева. Баня номер десять».

Дверь была закрыта. На ручке висел кусок картона с надписью «Заказ». Молодой человек постоял с минуту, подумал и спустился с крыльца. Если бы кто-нибудь заглянул под длинный козырек кепки, он бы заметил веселые искорки в его глазах и полное отсутствие досады на то, что баня закрыта. Это было странно для пассажира такси, вроде бы приехавшего помыться. Но молодой человек знал, что все идет так, как он и предполагал. Он обогнул двухэтажное здание, построенное еще при советской власти, и поставил небольшую спортивную сумку, которую до сих пор держал в руке, на землю. Дотянулся длинными руками до пожарной лестницы. Молодой человек был более чем высок, но все равно не

смог забраться на «пожарку». Тогда он снова обогнул здание и приблизился к гаражам, которые находились тут же, на заднем дворе санитарно-гигиенического учреждения. Там он, как и ожидал, услышал голоса квасящих под елкой бомжей.

– Здорово, мужики, – поздоровался молодой человек, подходя к трем темным теням. Их голоса сразу же стихли при появлении незнакомца, и они внимательно уставились на него.

– Здорово, а тебе чего надо-то? – вразнобой ответили они.

Молодому человеку нужна была помощь. Он вынул из спортивной сумки бутылку, при виде которой в ночи моментально вспыхнули три пары горящих глаз, и попросил посадить его на пожарную лестницу. Самый крепкий мужик, бормоча что-то о шишках, заказавших баню, и о Витьке и Степке, которые уже два дня жрут одну Райкину селедку, посадил молодого человека, подставив спину под белеющие в темноте кроссовки. Взамен он получил полтинник и удалился, довольный и томимый вечной жаждой.

Молодой человек забрался на второй этаж, вскрыл дверь, ведущую с пожарной лестницы внутрь здания, обычным охотничьим ножом и вошел, аккуратно и тихо закрыв ее за собой.

Неслышно ступая мягкими резиновыми подошвами по импортному бледно-голубому линолеуму, молодой человек, постоянно оглядываясь, добрался до белой двери, которую накануне закрыл так, чтобы открыть ее сейчас, как говорил

Лелик из «Бриллиантовой руки» – «без шума и пыли». Дверь открылась, обдав молодого человека влажным теплым запахом сауны и свежего белья. Это была комната кастаньянши, которая ведала полотенцами, простынями и прочими банными атрибутами, выдаваемыми посетителям напрокат. Молодой человек прошел внутрь, не забыв закрыть дверь, устроился возле стены, где им опять же накануне была просверлена дырочка, и посмотрел в нее. Удовлетворенно хмыкнул и достал из сумки портативную видеокамеру «Сони». Поковырялся в ней немного, отогнул боковой мини-экранчик, позволяющий видеть все, что снимает камера, и приложил ее глазком к дырке. Окуляр он предварительно смазал специальным антизапотевающим средством и тщательно натянул на него презерватив. Это нехитрое приспособление не даст влаге испортить камеру и в то же время позволит без помех заснять кадры.

Теперь оставалось только ждать.

А на экранчике, как и в самой сауне, происходили действительно забавные вещи. Изображение было лишь слегка замутнено резиновой пленкой.

Молодой человек тихонько посмеивался, наблюдая, как старые паскудники развратничали с молодыми длинноногими русалками, обильно запивая все свои шалости преизрядным количеством пива. Пиво, кстати, было не абы какое, а чешское «Гролш», около ста рублей за бутылку. Да и девицы тоже были симпатичные. Подглядывающий даже завистли-

во охнул, глядя на стариков, среди которых затесался только один молодой парень, уединившийся с двумя хорошенькими, беспрестанно хихикающими девицами на верхней полке затуманенной сауны.

«Кстати, знакомая морда у этого товарища, – промелькнула мысль в голове шпиона, – где-то я его видел. Может, в рекламе? Может, и в рекламе. Но точно по телику».

Просидев в засаде около получаса, молодой человек начал сворачивать полевую технику, так как вся развеселая компания тоже стала потихоньку перебираться в другое помещение, соседнее с парилкой. Сидеть в кастелянской уже не имело никакого смысла, так что молодой человек быстро и бесшумно покинул свой скромный приют среди белоснежных, пахнущих хлоркой простыней и полотенец. Он вышел тем же путем, что и вошел. Дело было сделано, и все было отлично. В руках молодого человека в мягких кроссовках теперь находилась немаленькая сумма. Правда, пока, к сожалению, только в виде веселых картинок, но, как он надеялся, в будущем эти веселые картинки на пленке превратятся в не менее веселые хрустящие изображения американских президентов. А пока можно идти домой и ложиться спать.

* * *

Для того, чтобы приготовить черепаховый суп, нужно как минимум иметь черепаху. А где ее взять, если ты живешь в

Центральной России и все, что можно здесь найти – это малюсенькие степные черепашек, которых ни на один укус не хватит? Ответственный за выпуск передачи «Робин-Бобин» уже битый час бегал за упрямой владелицей самого элитного ресторана в Тарасове «Чайка», убеждая ее выбрать не столь экзотическое блюдо, как черепаховый суп.

Но Лариса Котова твердо поставила условие организаторам кулинарной передачи, в съемках которой она принимала участие, – она будет готовить именно черепаховый суп! И ничто другое!

– Да вы поймите меня, – увещевал ее директор программы, – зачем нашим зрителям такие изыски? Они ведь к щам привыкли да к «Анакому», а вы им – черепаху! На хрена им, извините за выражение, ваш черепаший суп? Может, вы лучше какое-нибудь мясное блюдо приготовите? Все-таки Новый год на носу... через три месяца.

– Слушайте, уважаемый! – Лариса Котова начала закипать. – Я не знаю, чем конкретно вы лично питаетесь, но черепаший суп – не такая уж и редкость! В моем ресторане это одно из наиболее часто заказываемых блюд. Идет на «ура». Все его любят, а теперь вы мне предлагаете изменить свое решение. Мне что, бифштекс готовить?

– А что? – обрадовался ответственный. – Неплохая идея! Я вот, например, не знаю, как готовить бифштекс. Покажите нам весь процесс, так сказать, от выделки мяса до возложения его на сковородку.

– Я буду готовить черепаховый суп! – раздельно и громко произнесла Лариса. – И потрудитесь найти мне черепаху! В конце концов, когда меня приглашали, мне обещали, что будут предоставлены все условия и полная свобода действий! Не будет черепахи, я... я из вас суп сделаю!

Тут зазвонил ее сотовый. Лара прервала стенания директора и отошла в сторону.

– О, боже! – возвел глаза к потолку директор. – Ну и баба! Последние слова он уже пробурчал себе под нос, убегая в свой кабинет, но Лариса все равно их услышала. Она усмехнулась. Почему-то последних два дня все только и делали, что называли ее «ну и бабой!». Конечно, тому виной ее упрямый характер, который не позволял отступить от уже принятого решения, но и они должны бы пойти ей навстречу. В конце концов она же согласилась участвовать в их передаче! Вот пусть и выполняют ее прихоти!

Действительно, редакторская группа передачи «Робин-Бобин», которая выходила на экраны каждое воскресенье в девять часов утра по тарасовскому времени, пригласила Ларису Котову для поднятия рейтинга, несколько снизившегося за последних три месяца. Они приглашали ее и раньше. Все-таки владелица «Чайки», отлично готовит, роскошная женщина, а как на экране будет смотреться! Но Лариса постоянно отказывалась. Летом у нее был свадебный сезон – все женятся или разводятся и на радостях кутят. Банкет следовал за банкетом. А поскольку ресторан не из разряда забе-

галовок, да что там греха таить – самый крутой ресторан в Тарасове, то приходится поддерживать марку. Народ приезжает небедный, все требуют самого лучшего. Вот Лара практически все лето и провела на работе, за исключением двух незабываемых недель в Испании, куда она вырвалась просто чудом. Наступила осень, поток посетителей слегка схлынул, но тут на ее голову свалилось данное давным-давно обещание сняться в «Робин-Бобине». Секретарша у них там попалась очень настойчивая. Это какие же нервы надо иметь, чтобы в течение трех месяцев постоянно звонить и справляться о рабочем графике мадам Котовой!

Вот Лариса слегка и раскапризничалась. А что? Раз она такая звезда, то пусть и стараются для нее. Чем плох черепаховый суп? Вряд ли ее пригласили только для того, чтобы показать, как приготовить обед на шесть человек из головки лука и двух яиц. Кстати, можно было бы это сделать, если лука взять целый килограмм, стакан муки, да еще и кубик «Магги» или «Галины Бланки». Получатся неплохие луковые котлеты, но это же моветон! Не ее уровень!

– Нет, нет! – прекрасно зная, что выглядит снобом, сказала Лариса. – Только черепаховый суп! Ну или, если хотите, кокиль из рыбы.

– А что это? – уловил знакомые звуки директор. Ему, выросшему на берегах Волги, рыба казалась самым обыденным и незамысловатым блюдом.

– Рыба, запеченная в раковине! – внутренне злорадствуя,

сказала Лариса. – Для нее нужен горный лосось, сыр, четыре раковины и гхи.

– Будьте здоровы, – сказал директор.

– Я не чихнула. Гхи – это один из компонентов блюда.

– А-а, гхи! – безнадежно сказал директор, словно что-то поняв. – Ладно, будет вам черепаха!

Лариса поехала домой, чувствуя, что одержала победу. Откуда было бедному директору знать, что «гхи» всего лишь означает топленое масло – на санскрите!

* * *

На следующий день ей позвонили в половине седьмого и попросили – заметьте, не потребовали, так как все на студии уже знали о характере мадам Котовой – приехать к девяти утра. Директор жизнерадостным голосом сообщил, что черепаху он нашел.

– Здорово, – мрачно ответствовала невыспавшаяся Лариса. – Все остальное я сама привезу.

Она потянулась и отправилась в ванную комнату. После трех минут под холодным душем, которые показались ей вечностью, она пришла в себя и стала одеваться.

– Дорогая, ты куда? – в дверях ее комнаты возник Котов, ненаглядный, вечно пьяный муж. Впрочем, нет, кажется, со вчерашней недели он в завязке. Даже ее делами интересуется, чего в моменты поиска смысла жизни на дне бутылки –

многих бутылок – с ним никогда не случалось. – На съемки? – уточнил Евгений.

«Надо же, какая осведомленность, наверное, Настя сказала», – подумала Лариса, осторожно подводя глаза карандашом. Ей, правда, было известно, что на студии есть гример, но лучше ее самой да, может, еще Элочки Горской, ее имиджмейкера и лучшей подруги, никто не подчеркнет достоинства лица Лары.

Пусть она не первой молодости, но, как говорят французы, после тридцати красота женщины только расцветает.

– Ага, – рассеянно ответила Лара, – вернусь поздно.

– Ну, как всегда! – вскипел муж. – Работа нам – дом родной, а семья, значит, побоку, да?

– Нет, дорогой, – она походя чмокнула Евгения в щеку, обдав его запахом «Кензо», после чего с большим чувством поцеловала только что проснувшуюся дочь и спустилась вниз.

Уже в машине она проверила, все ли взяла.

– Так, – бормотала она, перебирая свертки и пластиковые бутылочки со специями, – морковь взяла, курятина есть, мадеру взяла. Петрушка, сельдерей, лук, тимьян, укроп, мята, базилик, майоран, перец, соль. Вроде бы все. А, черт, мускатный орех забыла! Ладно, по дороге куплю, возвращаться – плохая примета.

Не то чтобы Лариса верила в приметы, но так лень было выходить из машины, идти в дом, снова видеть унылую фи-

зиномию мужа, с которой в редкие моменты трезвости не сходило выражение убежденности, что все люди – сволочи. А самая сволочная она, Лариса, так как не понимает его тонкую душевную организацию и постоянно алчет денег, пропадая в своем ресторане, тратя время на приготовление будущего деликатесного дерьма вместо совместных с мужем поисков смысла жизни. То, что Лариса просто любила свою работу, проходило мимо его восприятия. Муженек редко занимался своим бизнесом, так что Лариса была, можно сказать, полноправной хозяйкой ресторана.

Заехав по дороге в супермаркет и не найдя там мускатного ореха, Лара подумала и купила миндальный. В конце концов орех все равно добавляется в суп в измельченном виде, так что телезрители не заметят разницы. А то, что запах будет не такой, какой требуется, это неважно! Через экран никто ничего не почувствует, а съемочная бригада все равно в этом не разбирается. Просто измельчим орех до начала съемок, и дело в шляпе!

* * *

– А теперь мы с вами приготовим сказочно вкусную вещь – черепаховый суп, – комментировала Лариса свои действия. – Итак, берем черепаху...

С этими словами она подняла в воздух несколько вырезок черепашьего мяса. Для колорита, как выразился директор,

совмещавший общее руководство с обязанностями декоратора, на столе лежал и черепаший панцирь. Конечно, никто не разделявал черепаху. Все, что умудрился достать Леша – Лариса наконец-то выяснила, как зовут директора, – замороженный пакет черепахового мяса из магазина «Деликатесы». У самой Ларисы в ресторане был изрядный запас черепахового мяса, но тут уж она слегка пожадничала. В конце концов это дорогое удовольствие, а в передаче она согласилась участвовать только ради рекламы – денег ей никто не предлагал. Поэтому она и заставила директора вертеться, как уж на сковородке.

Леша гордо вручил ей оттаявший пакет, после чего довольно бурно стал командовать, как ей встать и что ей делать. Где он взял панцирь, она не успела спросить, так резво кинулся в работу этот молодой человек. Кстати, если бы не его чрезмерная деловитость, порой переходящая в суетливость, он, может быть, ей и понравился бы.

Симпатичный, даже приятный голос, мужской шарм и то, что неотразимо действует на всех женщин независимо от их возраста – это его интерес к ним. В принципе весь джентльменский набор нужных качеств, но Лара почему-то не поддавалась его чарам, чему директор несказанно удивлялся. Попытавшись два раза завоевать ее симпатию при знакомстве и оба раза получив недвусмысленный отказ, Леша стушевался и теперь лишь недоуменно смотрел на «железную леди», которая стояла в кокетливо завязанном фартучке с вышитым

Робинотом-Бобинотом и обаятельно улыбалась в камеру.

– Не каждый человек в своей жизни варил суп из черепахи, более того, не каждый отважится это сделать. Но в приготовлении этого деликатеса нет ничего сложного. Деликатесные блюда на первый взгляд всегда состоят из странных и непривычных ингредиентов. Но поверьте, вкус этого супа превзойдет все ваши ожидания!.. Итак, тушка у нас уже промыта и выпотрошена. Режем ее на аккуратные кусочки...

Лара ловко орудовала огромным сверкающим ножом. Боковым зрением она видела, что почти все, кто был в студии, столпились за спиной оператора и внимательно следят за приготовлением экзотического блюда.

– Затем нарезанное мясо кладем в кастрюлю. Воду нужно слегка нагреть и подсолить. Мясо варим в течение 3–4 часов.

За время, пока варилась черепаха, Лара успела перезнакомиться практически со всеми участниками съемочной бригады. Здесь были сплошь молодые лица. Все только-только со студенческой скамьи, но гонора и деловитости, как и у Алексея, у них было хоть отбавляй. Лара усмехнулась втихомолку, вспомнив себя в их возрасте: она была точно так же уверена, что лучше ее специалиста нет на всем белом свете, при всем том, что она постоянно прогуливала лекции, списывала на экзаменах и делала то же, что и нынешние студенты, обремененные проблемой получения диплома.

Вот и сейчас, слушая хорошенькую, немного вульгарно покрашенную Леночку с черными-черными подведенными

глазами и очень бледным узким ртом, которая томно вещала о бессмысленности людского существования, Лариса зевала в ладошку и думала, что нет ничего удивительного, что с девушкой никто не общается. Такая зануда кого хочешь доведет до белого каления. Едва увидела свежего человека – и давай его загружать своими сентенциями.

«С Котовым бы они нашли общий язык, – неожиданно мелькнуло у нее в голове, и она развеселилась – Смысл жизни! Они поймут друг друга. Недаром он все время жалуется на непонимание. Ничего, после таких «мудреностей» он живенько забудет свои философствования».

– И вот, когда наша душа достигает экзальтации в нирване... – несколько истерично возвысила голос Леночка, намереваясь продолжить свою проповедь, как ее вдруг перебил молодой человек с приятным лицом, но усталыми складками возле губ:

– Извини, Ленусик, мне нужно с Ларисой Викторовой поговорить.

Лариса кивнула ему.

– Я – оператор, – представился он, – Дмитрий. Я бы хотел обсудить с вами кое-какие особенности съемок.

– Да, конечно.

– Вот когда вы стоите возле стола, если нетрудно, смотрите, пожалуйста, не в сам объектив, а хотя бы на меня. Словно вы мне рассказываете, как готовить эту штуку. А то слишком напряженно получается. Кстати, что мы там варим?

– Суп из черепахи, – невольно рассмеялась Лара. Молодой человек ей понравился. В нем не было того профессионального превосходства, которое иногда так утомительно действует на постороннего человека. Он просто советовал, не давя на личность.

– Здорово! – восхитился Дмитрий. – Дадите потом попробовать?

– Ладно, – пожала плечами Котова, – все равно суп здесь останется. Вы же его и съедите.

– А много супа получится?

– Э-э, ну, из расчета – два килограмма черепахи на шесть литров воды... В общем, большая кастрюля.

– Как раз на всех хватит, – обрадованно улыбнулся Дмитрий. – Вы знаете, я так покушать люблю! Особенно когда красивая женщина своими руками приготовит.

– Спасибо, – Лариса привыкла к самым витиеватым комплиментам, но все равно ей польстило внимание этого молодого человека. – По вам не скажешь, что вы такой обжора.

– Метаболизм интенсивный, – усмехнулся Дима. – И еще, постарайтесь голову не наклонять и не смотреть исподлобья – от этого может второй подбородок появиться и взгляд стать слишком агрессивным. Ага?

– Ага! – пообещала Лара, после чего отправилась к столу.

Режиссер, лопухий человек среднего возраста – единственный «старичок» здесь – похлопал в ладоши, призывая всех к продолжению. Дмитрий занял свою позицию. Зами-

гал красный огонек, съемки продолжались.

– Пока черепаха варится, порежем кусочки другого мяса, – сказала Лариса. – Например, курятину, говядину или свинину – что под рукой окажется. Я советую взять смесь говядины и курятины, это не перебьет вкуса черепахи, но суп будет более наваристым. Впрочем, кому что нравится. Нужен килограмм дополнительного мяса. Также нарежем большую луковицу, сто граммов корней петрушки и немного сельдерея. Так, что там у нас с черепахой?

Режиссер время от времени показывал ей – все идет отлично, так держать. Лара вынула мясо, процедила отвар, положила туда смесь курятины и говядины, корни, затем поставила их варить до полной готовности.

– Итак, все сварено. Снова кладем отваренные ломтики мяса черепахи и варим еще 30–40 минут. Приготовление супа занимает довольно много времени, но оно того стоит! Запах здесь стоит уже потрясающий.

Бригада за спиной режиссера согласно закивала. Даже Алексей уже переменял свое мнение относительно черепашьего супа.

– В это время готовим настой из мадеры. Для этого в кастрюльку с кипящим вином добавляем душистые травы, – она перечислила все, что привезла с собой. – И мускатный орех.

В суп посыпалась миндальная крошка.

– Доводим настой до кипения, после чего снимаем с огня

и даем настояться. Кстати, будьте осторожны, мадера – все-таки вино, так что не наклоняйтесь над кастрюлькой, а то, пожалуй, забросите суп и уплывете в мечтах.

В студии раздался смех.

– Теперь добавляем настой в суп, перчим, солим. Выключаем. Итак, барабанная дробь... М-м, какой запах!

В студии раздались аплодисменты. В поле зрения камеры вылез ведущий – симпатичный толстячок, изображающий Робина-Бобина. Он всю передачу скрывался за кадром, мелькнув только в самом ее начале с голодным и несчастным видом. Теперь же, повязав салфетку, Робин-Бобин в предвкушении лакомства держал огромную ложку – размером с половник.

– Попробуем, попробуем. Ах, ах, ах! Как вкусно! Пожалуй, стоит сказать спасибо!

Этими словами всегда заканчивалась передача. Режиссер поднял вверх большой палец, показывая Ларисе, что все в порядке, можно уходить. Лара развязала фартук и, посмеиваясь, наблюдала, как съемочная бригада набросилась на суп в огромной кастрюле. Робин-Бобин тут же куда-то исчез, утратив свой голодный вид и оставив суп остальным.

– Ларочка, а вы сами не хотите попробовать? – к ней сзади подошел Алексей.

– Нет, спасибо, я не хочу.

– Ну как это так? Готовили, готовили – и вдруг не попробуете? Тарелку Ларисе Викторовне! – зычно крикнул он, об-

ращаясь к помощникам. К ним тут же подошла девушка в сером мешковатом свитере и, улыбаясь, поднесла пластиковую тарелку, в которой дымилась густая ароматная жидкость с плавающими в ней розовыми кусочками мяса.

«Не то что у меня в ресторане, – подумала Лариса, – это вам не немецкий фарфор, в котором у нас подают черепаховый суп избранным клиентам. Да и повседневная посуда тоже куда лучше этого пластикового недоразумения».

– Спасибо, милая.

Лара взяла ложку и попробовала суп.

«Неплохо, – подумала она, – но могло бы быть и лучше. Я забыла добавить ложку крахмала для большей вязкости, да и миндаль – это все-таки не то. Мускат лучше».

Отовсюду слышались восторги, все подходили, выражая свое восхищение, поздравляли ее с удачным блюдом.

– Беру свои слова обратно, – сказал Алексей, – черепаховый суп – это нечто!

– Спасибо, но это не верх моего мастерства, – ответила Лариса. – Приходите к нам в «Чайку», вот там и попробуете такие деликатесы, что душа запоет от восторга.

– С удовольствием! – расплылся в улыбке Леша. Похоже, он подумал, что лед тронулся.

– Кстати... м-м, как вкусно, – сказала Лариса, проглотив нежную черепашью мякоть, – а где вы панцирь достали?

Алексей не успел ответить, так как сзади вдруг раздались крики. Сначала неуверенные, потом все более громкие и от-

чаянные.

– Вызовите «Скорую»! Вызовите «Скорую»! – кричал кто-то. – Димка, боже мой!

Алексей Дарьин моментально развернулся и направился к очагу происшествия – столу, возле которого столпились сотрудники съемочной бригады. Лариса взглянула в этом направлении и увидела картину, от которой у нее моментально пропал аппетит.

Молодой оператор, с которым она беседовала буквально полчаса назад, лежал на полу. Его заметно побледневшее лицо сразу бросилось в глаза Ларисе. Вокруг него столпились работники телевизионного искусства, тут же загудевшие, как пчелы. Они и до этого издавали мерный шум, просто сейчас он перешел на другие децибелы.

– Что случилось? – спросила Лариса, подойдя ближе к толпе.

– Не знаю, – ответила, полуобернувшись, незнакомая девушка. – Я сама на крик прибежала.

Следующих две минуты в студии казались потом Ларисе настоящим бредом. После того как прошел первый шок, на нее обратилось большинство взглядов – недоуменных и даже подозрительных. Лара отставила свою тарелку, приблизилась к столу, на котором стояли опустевшая кастрюля и несколько пластиковых тарелок, и повторила, глядя на Дмитрия:

– Что с ним?

– Это у вас надо спросить! – неожиданно выкрикнула бледная девушка в синем свитере, которую здорово трясло. – Что вы туда положили?

Лара настолько растерялась от кошмарного обвинения, что его смысл не сразу дошел до ее сознания. Она вдруг начала оправдываться:

– Я? Ничего... Вы... вы сами все видели, я...

– Вы нас отравить хотели? – не отставала девушка. – Да? Что вы туда положили? Говорите, говорите же! Может, нам всем еще можно помочь, а вы молчите!

– Светка, заткнись! – к девушке подошел директор, с которого слетела его обычная высокомерная деловитость. Он стал по-настоящему собранным и хмурым. – Андрей, вызови милицию. Лариса Викторовна, пройдите в мой кабинет, пожалуйста!

– Что? С этой ведьмой еще и на «вы», и «пожалуйста»? – голос разъяренной девушки больно бил Ларисе в уши. Она слегка поморщилась, начав приходить в себя.

Девушка все время что-то верещала, пока Дарьин не отвесил ей хорошую оплеуху. После этого Света живо заткнулась, но тут же побледнела, приложила руку ко лбу, пошаталась немного и театрально грохнулась в обморок.

– Еще одна! – с ужасом прошептала секретарша директора. Кажется, ее звали Муся. Или Маруся, Лариса точно не запомнила.

Вокруг упавшей девушки столпились сотрудники,

– Да вы че, все с ума посходили? – возмутился вдруг стоявший доселе с раскрытым ртом помощник оператора. Вся стычка заняла буквально пару минут, во время которых он сначала впал в шоковое состояние, а теперь выходил из него.

– Поскользнулся Диманыч, – пояснил помощник оператора, – стоял он возле стола, ел, а потом его к телефону позвали. Мы тут с ним вдвоем стояли, вы не могли этого видеть. Он, значит, тарелку поставил – и хорошо, что поставил, а то бы изляпался весь – и пошел. А тут на полу эта... – он пощелкал пальцами в воздухе, словно припоминая нужное слово, – как ее... А! Шкурка от банана. Лена ела – она всегда одни бананы ест – и бросила.

– Я на стол положила, – вступилась за себя гримерша.

– Как же она на полу-то оказалась?

– А я почему знаю? Сами ведь тут же рядом стояли! Скинули и не заметили.

– Ну конечно, – глаза у парня заблестели. То ли он так любил спорить, то ли не любил Лену, хотя одно другого не исключало, но в перепалку кинулся с головой. – Диманыч теперь с треснувшей башкой лежит, а ты...

В это время тело на полу зашевелилось. Диманыч просто-напросто неприличное про чью-то мать, с трудом сел и, как водится в таких случаях, сразу же схватился за голову. Картинка очень напоминала сцену «Утро после большого бодуна».

– Может, заткнетесь, а?

Говорил он еле слышно, но с чувством. Видимо, ушиб был серьезным. К пострадавшему моментально кинулась какая-то красивая девушка, сразу начавшая помогать ему подниматься. Плечом она толкнула стол. На нем стояла опустевшая кастрюля, на доньшке которой жалко розовели остатки супа. От толчка по столу покатила банка, оставляя после себя тонкую полоску серовато-белого порошка. Банка непременно упала бы, если бы помощник оператора не подхватил ее и не закрыл слетевшей крышкой. Помощник оператора и Лена на время умолкли, глядя, как приводят в чувство сотрудника студии. Потом они оба переглянулись. На их лицах читалось не то чтобы облегчение по поводу оживления товарища, а скорее досада из-за прерванного спора.

– И вообще, это ты стоял рядом со столом, значит, ты и уронил шкурку! – победно заключила в наступившей тишине Лена и ушла к себе в примерную.

Помощник оператора тяжело вздохнул.

– Да-а, Витек... Женская глупость не знает границ. У французов, видать, терпение было куда лучше нашего, – сказал режиссер.

– А? – не понял помощник оператора.

– Ну, как они говорят? «Если женщина не права – извинись перед ней».

Витек моментально вскипел. Старинная французская мудрость была воспринята им как оскорбительное руководство к действию, унижающему его достоинство.

– Ты че, предлагаешь мне перед этой кикиморой извиняться?

В гримерной что-то грохнуло. Видимо, Лена расслышала гневный вскрик Виктора и это почему-то ей не понравилось, а посему она выместила свое недовольство на стене, запустив в нее чем-то тяжелым.

– Услышала, – хмыкнул Дмитрий. Бледность уже спала с его лица, и он стал более походить на человека, чем пять минут назад. Народ успокоился и вернулся к трапезе. Помощник оператора направился в гримерную.

– Камикадзе, – фыркнул режиссер.

– Да любовь у них! – махнула рукой Муся-Маруся, обращаясь к Ларисе. – Сколько раз я уже такое видела. Сначала собачатся, потом целуются, потом женятся. От нас еще никто неженатым не уходил!

Лариса кивнула и направилась напрямиком в кабинет директора. Руководитель, как оказалось, следовал за ней по пятам. Лариса помнила, что где-то в шкафу директора стояла бутылка коньяка «Хэннесси», которым он угощал ее во время первого визита. Как ни странно, коньяк был настоящим. Когда Алексей предложил ей выпить за знакомство и показал, самодовольно улыбаясь, бутылку со знаменитой этикеткой, Лариса подумала, что скорее всего ей сейчас придется надевать вежливую маску на лицо и хвалить бурду тарасовского розлива, упакованную в фирменную тару. Но коньяк действительно был настоящим. И откуда у директора не

очень-то раскрученного телеканала такие деньги? Даже по скромным подсчетам, одна такая бутылка стоит не меньше штуки баксов.

Но сейчас Лариса об этом не размышляла. Ей срочно требовалось что-то для поднятия духа и давления. Пятьдесят граммов коньячка были бы очень вовремя. Голову уже начала сдавливать знакомая боль, поэтому Котова боялась, как бы ее сейчас не одолел приступ мигрени. Это было бы некстати – ей же еще домой ехать.

Она подошла к шкафу, не замечая, что Дарьин стоит у нее за спиной с, мягко говоря, удивленным выражением лица, и достала из бара бутылку. Плеснув немного коньяка в стопку, она повернулась.

– Может, и мне нальете? – только и смог сказать Алексей.

– Сами справитесь.

Лариса решила, что вежливости с нее на сегодня достаточно.

Ее – удачливую бизнес-леди, состоятельную даму, великолепного кулинара, – ее посмели обвинить в каком-то преступлении! И неважно, что все прояснилось, оскорбление-то было нанесено! Да как у этой нахалки язык повернулся сказать про Ларису такое!

Одним махом опрокинув стопку, Лара молча взяла сумку и вышла из кабинета, даже не попрощавшись.

Сидя в машине, Лариса медленно прокручивала в голове все события, произошедшие на студии, но так и не могла понять причину своего внутреннего беспокойства. Внутри словно мигала сигнальная лампочка. Так обычно бывало, когда срабатывала интуиция Ларисы. Но отчего? Что в это утро было странным? В принципе ничего, если не принимать во внимание того, что не каждый день ей приходится участвовать в съемках передачи. А так, ежедневно находясь среди людей, Лариса уже привыкла к самым разнообразным формам общения, в том числе и к дракам. Хотя, может быть, ее просто вывели из себя нелепые обвинения этой девицы? Вначале так и было, но потом коньячок согрел ее, расширил сосуды, голова перестала болеть, и теперь, по прошествии двух часов, Лариса практически не вспоминала о нервной девушке. Нет, она, конечно, анализировала произошедшее, но уже без эмоций. А лампочка внутри все мигала...

И тут, подъезжая к дому, Лариса вдруг вспомнила бледное лицо оператора, лежавшего на полу, и поняла наконец, чем она так встревожена. Тем, что слишком уж явно это лицо навевало мысли о смерти.

«Обычная с точки зрения психологии защитная реакция – отторжение неприятных ощущений. Человеку свойственно негативно относиться к смерти, только и всего, – подумала

Лариса. – Надо бы Курочкину позвонить. Он-то уж точно дал бы более квалифицированное и меткое определение моему состоянию».

Но психология психологией, а колокольчик внутри не умолкал. Голос тревоги, начавшийся с тихого звона, после крещендо перешел в пронзительный визг, и Лариса поняла, что, кажется, к ней «в гости» все-таки нагрянул очередной приступ мигрени. Она притормозила рядом с подъездом. Ставить машину в гараж не хотелось, сил не было. Да и все равно с машиной ничего не случится – их дом принадлежит к так называемым элитным, и площадка вокруг него хорошо охраняется. Перед глазами замелькали искры, Лариса глубоко вздохнула и медленно вышла из машины, стараясь не делать резких движений.

К счастью, дома никого не было. Настя наверняка у кого-нибудь из подружек, Евгений оставил записку на холодильнике, что он на работе. Лара недоуменно посмотрела на листок бумаги, прикрепленный смешным магнитиком к дверце четырехкамерного «Боша», и спросила сама себя: как давно Котов вспомнил, что он умеет писать? Обычно он только кнопками оперирует. На сотовом. Позвонить, что ли, не сумел?

«Ах да, – спохватилась она, – я же телефон отключила на время съемок, а после всего случившегося забыла его включить. Да и времени не было! Кстати, о телефонах... Где же он?»

– Черт, – простонала она, – только не это!

Похоже, что телефон она оставила на студии.

«Ладно, – смирилась Котова, – завтра заберу. В моем состоянии мне уже ничего не нужно, хоть двести телефонов! Одна морока».

* * *

Дмитрий проснулся от терпкого вкуса во рту. Страшно хотелось пить.

– Оля, – хрипло позвал он, но горло словно сдавило. – Ольга!

Он сам едва слышал свои хрипы, что уж говорить об Ольге, которая сейчас была на кухне и мыла посуду. Шум воды заглушал даже ее пение – она мурлыкала себе под нос какую-то песенку.

– Черт!

Он с трудом поднялся, в глазах почему-то двоилось. Поняв, что до кухни он вряд ли дойдет, Дмитрий добрал до совмещенного санузла и выпил немного холодной воды из-под крана. Легче, как ни странно, не стало. Неужели его так шарахнуло вчера, что у него оказалось сотрясение мозга? Дмитрий попытался вспомнить симптомы этого состояния. Все совпадало: и тошнота, и в глазах все плывет. Неужели к врачу придется ехать? Е-мое, как же он это все не любит! Больничный, справки, белые халаты...

Внезапно его вырвало. Не затошнило, а именно вырвало, бурно и много.

– Черт! – просипел он, чувствуя, как слабеют ноги, стоящие на холодном кафеле.

Машинально отметив, что рвота содержит какие-то странные серые частицы, он потерял сознание, с тяжелым стуком упав на пол.

– Дима?

Красивая белокурая девушка заглянула в комнату, вытирая руки о полотенце. Мельком взглянув на развороченную кровать, где только что спал ее будущий муж, Ольга прошла в прихожую.

– Дима, все в порядке? – постучала она в дверь туалета. – Дима?

Из-за двери не доносилось ни звука. Встревожившись, девушка дернула на себя ручку двери, ожидая встретить сопротивление, но та неожиданно легко открылась.

Она вскрикнула:

– Боже мой, Дима!

На полу крохотного санузла, неуклюже изогнувшись, лежал Дмитрий, с трудом поместившись между стиральной машиной и раковиной. Его длинные голые ноги почему-то сразу бросились Ольге в глаза. Посмотрев на его лицо, она еще больше испугалась и почувствовала дрожь в коленках – лицо жениха было серым. От уголка рта до подбородка тянулась блестящая струйка рвоты. Раковина тоже была забрызгана

желто-розовой массой с зеленоватыми пятнами. Пахло чем-то кислым.

Ольга минуту стояла в оцепенении, потом резко дала себе пощечину, чтобы не упасть в обморок. Сев на колени рядом с бесчувственным телом, она первым делом прижалась ухом к Диминой груди, больше всего на свете боясь ничего не услышать. Первые секунды так и было, но потом сквозь пелену страха Оля с облегчением расслышала неровное сердцебиение.

– Жив! Господи, спасибо!

Она машинально вытерла Диме рот кухонным полотенцем, после чего, спохватившись, бросилась к телефону. По дороге она чуть не споткнулась о разбросанные Димкой кроссовки.

«Скорая» приехала через полчаса.

Через восемь часов Дмитрий скончался после мучительной агонии. Единственное, что смогли сделать врачи, – успокоительный укол Ольге, поскольку она была в невменяемом состоянии. Даже промывание желудка и интенсивная терапия не остановили процесса интоксикации организма Дмитрия. Мышьяковистый водород всосался практически без остатка, к тому же обратились за медицинской помощью слишком поздно, поэтому летальный исход был неизбежен. Человек умер.

Алексей Дарьин сидел у себя в кабинете и, обхватив голову руками, тупо смотрел на стол, изучая его поверхность. Сценарии программ, всевозможные блокноты, ручки и тому подобная дребедень валялись без всякого порядка на красноватой деревянной столешнице. Но беспорядок на рабочем месте волновал директора кулинарной передачи «Робин-Бобин» сейчас меньше всего. У него убили сотрудника. Причем очень и очень ценного сотрудника. Правда, сам сотрудник даже не подозревал о своей ценности в глазах Алексея.

«Вот дерьмо!» – с большим чувством подумал Леша.

Раздался зуммер. Леша машинально разгреб бумаги, половина которых свалилась на ковер, вытащил на свет божий сотовый телефон и кисло сказал: «Да?»

– Здравствуй. Это я.

Сердце Леша сделало большой скачок, глухо замерло, затем снова начало работать в ускоренном темпе. Звонившему не было нужды представляться. Этот холодный голос с хрипылыми интонациями был знаком Леше даже слишком хорошо.

– Что? – вышло немного визгливо, видимо, голос сорвался. Леша прочистил горло и уже более твердо сказал: – Я слушаю.

– Нет, это я слушаю, – усмехнулся собеседник. – На хрена ты парнишку-то отравил?

«Знает! Черт, и откуда он все знает?» – досадливо поморщился Леша.

– Сам же говорил, что рано еще, – продолжал собеседник, – или ты передумал? Что же меня не предупредил?

– Да не я это сделал! Что я, больной, что ли?

– Ты мне по существу отвечай, а не задавай риторических вопросов. Насчет – больной ли ты, у меня даже сомнений нет. Но тебе виднее.

– Нет!

– Что – нет?

– Это не я! – воскликнул Леша.

– А кто?

– Откуда мне знать?! – сорвался Леша. – Я свечку рядом не держал!

– А ты не кричи, – ласково посоветовал голос. – Нервные клетки – они же не восстанавливаются. А если и восстанавливаются, то только половым путем. Понимаешь, о чем я? – он захихикал.

– А ты не задавай мне вопросов, на которые я не знаю ответа, – угрюмо ответил Алексей.

– Не знаешь? – с нежной угрозой спросил человек на том конце провода.

– Пока, – тут же поправился Леша. – Пока не знаю.

– Но собираешься выяснить, не так ли? – в отечески звучащем голосе говорившего не было ни малейшего сомнения относительно Лешиних планов.

– Конечно, – Леша сглотнул. Черт, он опять заикается! – Обязательно.

– Правильно, Леша. Выясняй как можно скорее. И звони дяде Васе. Кстати, к тебе на днях мои ребятки заедут...

Леша посерел. На его лбу выступили бисеринки пота. После последнего визита «ребятки» Василия Леше пришлось вставлять новые зубы.

– Ты уж их встретить по-людски.

– Василий, я...

– Не волнуйся, мальчик. Будешь себя хорошо вести – и все будет хорошо! Кассета у тебя?

– Нет, – ответил Леша.

– Плохо, – несмотря на легкость тона в трубке, Леше стало нехорошо.

Василий помолчал пару секунд и почти радостно спросил:

– Но ведь ты найдешь ее, правда?

– Конечно.

Леша сейчас пообещал бы даже стать космонавтом и найти на Марсе следы органической жизни, только бы дядя Вася не присылал своих ребятки.

– Умный мальчик. И учти – нехорошо получится, если убийство бросит на студию хоть тень подозрения. Мне все равно, сделал это ты или кто другой: исправлять-то тебе придется. И лучше будет, если виновным окажется посторонний человек. Ну все, конец связи.

Леша нажал «Flash» и невидящим взглядом посмотрел на

трубку. Затем он со злостью швырнул сотовый на кожаный диван, стоящий у стены, как будто исчезновение телефона с глаз долой поможет ему избавиться от вкрадчивых интонаций «дяди», все еще звучащих в ушах Леши.

Но интонации остались, и ничего хорошего они в ближайшее время не сулили. Н-да-а. Посторонний человек, говорите? Леше пришла в голову одна маленькая идейка. Он повертел ее в голове, обдумывая, потом улыбнулся – а почему бы и нет?

* * *

Лариса кляла себя за бесхозяйственность. Ну как так можно? Да, у нее стресс, да, у нее вчера болела голова, но это было вчера, а сегодня, когда ей срочно нужно позвонить, телефона нет! Конечно, возможность связи у нее была – и мужнин сотовый, и Настин, да и домашний радиотелефон есть, но номер, который она забыла, есть только в записной книжке ее сотового, который сейчас валяется где-то на студии.

Лара отправилась туда сразу после завтрака, мысленно надеясь, что воскресенье – тоже рабочий день для сотрудников телевидения. На днях был праздник Великой Октябрьской революции, который рабочему люду приходилось теперь отрабатывать в выходной. Правда, это касалось лишь государственных служащих, но, может, и телевизионщики тоже работают?

В предбаннике, где стоял секретарский стол, заваленный всяким хламом, никого не было. Лара не хотела снова появляться в помещении, декорированном под кухню, так что надеялась попросить Мусю найти ее телефон. Но Муси не было. Лариса подумала, что, возможно, она могла оставить аппарат и в кабинете директора. Она двинулась к двери, приоткрыла ее и... замерла на пороге, услышав, что Леша разговаривает по телефону.

Слышно было плохо – словно кто-то шутки ради бубнил китайский алфавит в пустую литровую банку. Лара придвинулась ближе к двери, но в это время бубнеж прекратился.

Леша положил трубку, потом в кабинете раздались шаги. Леша направлялся прямо к двери, за которой стояла Лариса. Она поспешно отпрянула. Леша целенаправленно двинулся было к выходу из секретарского отсека, как вдруг боковым зрением уловил-таки Ларису, стоявшую сбоку, и притормозил.

– Вы здесь?

– Здесь, как видите. Я где-то оставила свой «Эрикссон». Вы его не находили?

– «Эрикссон»? – нахмурил лоб Леша. – Нет, не находил. Спросите у Муси... или еще у кого-нибудь. Извините, мне сейчас некогда. У нас проблемы.

– Какие? – автоматически спросила Лариса. В данный момент ее интересовала только своя проблема – ей нужен телефон.

– Помните Дмитрия? Оператора? Он умер.

– Как – умер? – не поняла Котова.

– Отравление мышьяком, – внимательно посмотрел на нее директор. – Следственная бригада уже здесь, не желаете с ними побеседовать? Думаю, у них к вам накопилось немало вопросов.

Ларисе совсем не понравился его ехидный обвиняющий тон. Словно ее в чем-то подозревают!

– Что вы имеете в виду? – тут же вскипела она. – Говорю в последний раз: я ничего туда не сыпала. Ни мышьяка, ни чего-то подобного. Да я даже не знаю, как он выглядит, этот мышьяк! И потом, все ведь на пленку снимали!

– Пленку кто-то испортил, залил водой, – казалось, Алексею доставляло удовольствие злить Ларису. – Так что вы – подозреваемый номер один.

Лариса вдруг успокоилась. И какого черта она доказывает что-то этому придурку? У нас презумпция невиновности! Перед судом, может, ей и придется объяснять, что да как было, но не здесь!

– Где милиция? – небрежно спросила она.

Лешу, надо сказать, удивил ее спокойный тон – он-то ожидал, по всей видимости, обычной бабской истерики, а возможно, и рукоприкладства, ан нет! Мадам Котова умеет блюсти себя.

– Там, – махнул он рукой в сторону съемочной площадки.

– Отлично. С ними и побеседую. Всего хорошего.

– Зря вы так настроены! – гадко ухмыльнулся Алексей. Всю его обаятельность как ветром сдуло. – Боюсь, что в ближайшее время вам придется несладко.

– Надо же, какое совпадение! Я как раз отучаю себя от сладкого, – мило улыбнулась Лариса. – Сами понимаете, о фигуре надо заботиться.

Леша только фыркнул в ответ.

* * *

Капитан Собачкин внимательно осматривал безукоризненно чистую плиту, на которой вчера был приготовлен злополучный суп из несчастной ластоногой черепашки, чей панцирь до сих пор лежал рядом, на разделочном столе. Капитан поцарапал ногтем ребристую чешуйчато-роговую поверхность панциря и вздохнул. Он и его ребята уже все здесь осмотрели, но ничегошеньки не нашли, чего, собственно, и следовало ожидать. Со вчерашнего дня около этой плиты, да и вообще во всей студии побывала чертова уйма людей, а людям свойственно оставлять после себя чертову уйму следов. И как среди них найти следы того, кто, собственно, и притащил сюда банку с мышьяком? Саму-то банку нашли.

Светло-серая чесночница с крышкой в виде зеленого кустика, на боку которой написано детскими буквами «Чесночная приправа». Достаточно оригинально для емкости, в которой находилось вещество, точно так же пахнущее чес-

ноком, но вот по химическому составу резко от чеснока отличающееся... Арсин, или мышьяковистый водород. Белый кристаллический порошок, легко растворимый в жидкости, пахнет, как уже говорилось, чесноком и предельно ядовитый.

Бедняга оператор умудрился стрескать аж девять смертельно ядовитых доз! Ничего удивительного, что он умер. Удивительно то, что никто, вообще никто не видел, как жертва брала из банки с чесночной приправой эту самую «приправу». Почти все допускали, что такое «имело место быть», но никто лично этого не заметил.

Капитан, охая от изжоги, которую заработал на вчерашнем кутеже по случаю юбилея тестя, где съел любимый селедочный салат, опустился на колени и заглянул под плитку. Что он там искал, он и сам бы не сказал, но на всякий случай решил посмотреть. Ничего, кроме бычка, то бишь окурка, и остро пахнувшего малюсенького сухарика, он не нашел. Сухарик, судя по кубической форме, был «кириешкой», а вкус скорее всего – «хрен с холодцом». Капитан хорошо разобрался в сухарях – его младший сын, можно сказать, не расставался с сухариками, чему родители нарадоваться не могли. Поскольку чадо в силу своего нежного упрямого возраста всегда отказывалось кушать, то пусть хотя бы сухари грызет. Все же хоть какая-то еда. Последним пристрастием ребенка был именно «хрен с холодцом».

Вдруг в зеркальной дверце духового шкафа отразились

две стройных ножки в модельных туфельках с длинными узкими носами. Капитан поднял глаза. Ножки длились, длились, прятались под узкую юбку миди. Дальнейшее переходило в изящное тело и красивую голову с распущенными светлыми волосами.

– Добрый день, – поздоровалась женщина, – это вы – представитель органов внутренних дел?

– Я, – неуклюже приподнялся с колен капитан Собачкин, держа на широкой милицейской ладони неизвестный окурок и коричневый сухарик. – Капитан Собачкин. С кем имею честь?

– Лариса Котова. Вы обо мне слышали. Это я готовила суп.

– А-а, да-да-да. Очень приятно... то есть нам нужно взять у вас показания.

– Я готова, – улыбнулась женщина. – Вы их прямо здесь будете брать?

– Кого брать? – тупо переспросил Собачкин.

– Показания, – терпеливо пояснила Лариса, мысленно закатывая глаза. Она от всей души сочувствовала своему другу Карташову, которому в своем отделе приходилось работать с такими болванами, как этот тип, бессмысленно лопочущий что-то толстыми губами.

– Давайте присядем, – несколько суетливо сказал капитан, – а там и поговорим.

Они расположились на стоящих неподалеку стульях.

– Так что вы мне хотели рассказать? – дружелюбно посмотрел на Ларису капитан.

– Я? Это вы у меня хотели взять показания. По крайней мере, мне так директор сказал.

– А, ну да, ну да. Конечно. Я хотел у вас кое о чем спросить. Взять, так сказать, показания.

«В Коломбо, что ли, играет? – подумала Котова, оправляя юбку на коленях. – Тот таким же придурком прикидывался до поры, до времени...»

Капитан посмотрел на свою дубовую ладонь, на которой до сих пор одиноко лежали окурок и сухарик, и зычно крикнул: «Сашка!» Подлетел молоденький оперативник, который показался Ларисе смутно знакомым.

– Что? – парень в лейтенантских погонах был предельно краток, но, увидев Ларису, моментально расплылся в улыбке. – Лариса Викторовна! Какими судьбами?

– Здравствуй, Саша, как дела?

С этим молоденьким лейтенантиком Лариса познакомилась во время расследования своего последнего дела о пропавшей собаке. Саша, тогда еще практикант, работал в отделе вместе с Карташовым, который, собственно, и познакомил их. Мальчик был умен, сметлив, энергичен. И еще у него была очень обаятельная улыбка, мальчишеская и задорная.

– Нормально, а вы как? Опять в историю впутались, да?

– Как видишь.

– Э-э, – вмешался растерявшийся от этого разговора ка-

питан. – Сашка, возьми это.

Он протянул лейтенанту окурочек и сухарик. Тот достал из кармана пакетик, аккуратно опустил находки в него и убежал, незаметно подмигнув Ларисе Викторовне.

– Под плитой еще поковыряйся, Сашок! – крикнул ему напоследок Собачкин и повернулся к Ларисе. – Итак, вас зовут...

– Котова Лариса Викторовна.

– Ага, ну протокол потом заполним, а теперь расскажите мне все, что вы позавчера видели.

Лариса минуту помолчала, собираясь с мыслями. И не спеша рассказала все, что помнила, умолчав разве что о странном взгляде, которым, как она заметила, смотрел на нее директор, когда она зашла сегодня в студию за телефоном. А смотрел он действительно подозрительно. Как кот, задумавший стащить сметану или сделать какую-нибудь другую пакость, причем получать наказание совершенно не собирался. Это впечатление она оставила про себя и не собиралась упускать его из виду. Что-то нечисто с этим молодчиком! Да еще и этот ехидный тон! Уж не задумал ли он спихнуть все случившееся на Ларисины плечи? Нашел козу отпущения!

«Мы еще посмотрим, – думала Лариса, – кто кого! Все равно правда восторжествует, а правда в том, что я не виновата. Вот и буду искать отравителя. Подозреваются все, точь-точь как у Хмелевской».

– Что стало с пленкой? – спросила Лариса у капитана.

Тот помялся, но ответил:

– Поскольку опергруппа приехала сюда уже по факту гибели молодого человека в больнице, а это произошло спустя почти сутки после съемок, то понятно, что мы искали уже не по горячим следам.

– Ну да. И все-таки?

– Так вот, пленка, хранившаяся в подсобке оператора, оказалась испорченной. На нее вылили ведро воды.

– Насколько я знаю, – медленно сказала Лариса, – от обычной воды пленка вряд ли будет полностью испорчена. Наверняка что-то можно восстановить.

– Ладно бы чистой водой эту пленочку «помыли», так ведь уборщица оставила ведро с мыльной водой, в которой было растворено немалое количество «Белизны». Знаете, что такое «Белизна»? – спросил он.

Лариса прокрутила в голове все мало-мальски знакомые ей названия чистящих средств и вспомнила, что, кажется, так называлось сильно воняющее хлоркой средство для отбеливания и дезинфекции унитазов. Стоило оно копейки, а руки от него потом пахли с неделю. Элочка Горская в пору своей молодости и соответственно бедности как-то раз купила эту штуку. Так потом она целую неделю ходила и ныла, что, дескать, запах противный. С той поры Эля разорялась на самые дорогие средства, но эту гадость больше не покупала. Иные жидкости по крайней мере пахли ароматизаторами.

– Да, я знаю. Хлорка.

– Вот-вот. А теперь представьте, что случится, если обработанную аргентумом пленку смочить раствором хлора?

– Я не помню химии, – честно сказала Котова.

– Да я тоже, – признался капитан, – но эксперты говорят, что пленка уничтожена и восстановлению не подлежит.

– Вы не знаете, кто это сделал? Ну хотя бы приблизительно?

– Бог с вами, нет, конечно. Я, разумеется, не должен бы вам этого говорить, но друг Олега Владимировича... Сами понимаете, здесь же нет камер внутреннего наблюдения, а пока мы выясним, кто здесь оставался в неурочное время да кто мог заходить в подсобку... Да еще неизвестно, сколько времени эта бобина с пленкой проплавала в ведре с грязной водой! Короче, работы непечатый край.

– А в рабочее время никто не мог ее в ведро бросить? – спросила Лариса.

– Видите ли, Лариса Викторовна, тут два момента. Во-первых, уборщица начинает делать свое мокрое дело не раньше шести, а то и позже, к тому же вчера и позавчера в подсобке, можно сказать, безвылазно находился техник-осветитель, Виктор. Он свидетельствует, что мокрую бобину обнаружил только сегодня утром. А в подсобку никто не входил. В студии было только три человека по причине раннего утра: директор, который говорит, что не выходил из кабинета, так как еще кофию не успел вкусить, сам техник-осветитель и секретарша Мария. Но она вообще на-

ходила на четвертом этаже, там у нее жених работает. Значит, пленку испортили вчера вечером, причем поздно, когда все уже ушли.

– А вахтерша не могла бы помочь?

– Вахтерша здесь одна на все здание, а тут же много всяких организаций. На первом – администрация магазина, вход в который – с другой стороны, на втором, собственно, эта студия, где мы с вами и находимся. На третьем – куча офисов какого-то литературного агентства, на четвертом новости снимают, «Тараском-ТВ». Разве ж тетя Маша упомнит, кто и когда уходит! Мы с ней уже беседовали.

– Понятно, – медленно сказала Лариса, думая, что все-таки не помешает и ей поболтать с этой тетей Машей, – значит, с помощью пленки я не докажу свою непричастность. Я теперь у вас подозреваемый номер один?

– Нет, – неожиданно ответил капитан, – потому что мы не знаем, был ли отравлен суп. Посуда-то к нашему приезду была вся помыта. И вообще в банке с приправой мы нашли мышьяк.

Он показал на стоящую на разделочном столе банку с чесночной приправой. На сером боку баночки, сделанной в форме дольки чеснока, было написано: «Чесночная приправа».

– Хотите посмотреть поближе? – озаботился капитан, видя, как внимательно Лариса всматривается в банку.

– Нет-нет, – поспешно отказалась Лариса, помня карта-

шовские наказания. Одним из них был категоричный запрет брать в руки то, что тебе предлагает сотрудник органов внутренних дел, если только это не протокол.

– Ай, умница, – просиял капитан, – видно, Олежка вас как следует натаскал! Я видел вас пару раз вместе, – сказал он в ответ на недоуменный взгляд Ларисы, не понимающей, откуда этот капитан знает о ее дружбе с Олегом Карташовым. – Правда, если мы найдем на банке ваши отпечатки, – продолжил он, – тогда, делать нечего, придется и вас включать в список подозреваемых.

– Ну и включайте, нечего делать для меня скидку, – уверенно сказала Лариса. – Только там нет моих отпечатков. Я впервые вижу эту банку. Да и потом согласитесь, что, если бы я была отравителем, я бы позаботилась об уничтожении улики, не так ли?

– Ну вот все и решили, – заключил капитан, – вы можете идти, а для протокола я вас позже вызову.

Они поднялись.

– Давайте я вас провожу, – сказал капитан, но не успел сделать и двух шагов, как что-то под его ногой хрустнуло. Капитан ойкнул. – Черт, опять сухарик!

– Да они у вас из кармана сыплются, – усмехнулась Лариса, показав на оттопыренный карман капитанской форменной куртки, откуда торчал цветной пакетик, наполовину раскрытый.

– Вот проныра! – вскипел капитан и покраснел, глядя на

Ларису. – Это мой ребенок. Любит такие шуточки... и сухарики. Уши надеру, когда домой вернусь. Сашка! Иди сюда!

К нему подлетел лейтенант, заговорщически подмигивая Ларисе. Она попрощалась и вышла из студии в состоянии легкого недоумения.

Ее смущало несколько фактов, даже не фактов, а просто неприятных ощущений. Во-первых, очевидно, что пленку испортили не просто так, а с умыслом. Жаль, что программа шла не в прямом эфире – тогда бы никаких вопросов не возникло. В принципе Лариса знала, что невиновна и этот забавный капитан, по-видимому, тоже так считает. Но сейчас она находится в очень странном, двояком положении – с одной стороны, Дмитрий отравился приправой из банки, к которой Лариса не имела никакого отношения, а с другой – зачем понадобилось уничтожать пленку, если на ней нет никаких подозрительных моментов? Допустим, это была халатность, но как она вовремя случилась! Либо это все – досадное стечение обстоятельств, причем не в Ларисину пользу, либо – прямое указание на уничтожение улики. Ею самой или тем, кто хочет направить подозрения на нее. Короче, нужно разобраться. От этого зависит ее репутация, да и свобода, если уж на то пошло.

Давненько она уже ничего не расследовала! Жизнь какая-то серая стала, да и не до того было. Так что Котов отчасти прав: работа не давала ей заняться своим любимым хобби. Теперь, слава богу, есть и время, и желание, и самое

главное – необъяснимое убийство, произошедшее практически у нее на глазах.

Что ей нужно сделать для начала? Не мешало бы поговорить с вахтершей, хотя ей, Ларисе, наверное, женщина ничего полезного не скажет. Но пренебрегать даже таким мелким источником информации было бы глупо, тем более что вообще сведений о случившемся у Ларисы – кот наплакал. Попробовать все же стоит. Далее, стоит позвонить Карташову, поговорить со свидетелями трапезы Димы. Хотя они и будут на нее косо смотреть, но все же надо. Итак, программа-минимум составлена, следует приступить к ее выполнению.

* * *

«Тетя Маша» оказалась тетей Катей – так на самом деле звали вахтершу. Она сидела за стеклянной перегородкой, откуда внимательными цепкими глазами осматривала всех входящих и выходящих.

Лариса спустилась по чугунной литой лестнице, которая была изготовлена, если верить табличке, висящей в фойе на первом этаже, еще во второй половине девятнадцатого века. Слегка прогнутые, но все еще красивые ступени привели ее прямо к кабинке вахтерши.

– Здравствуйте, – сказала Лариса, – вы сейчас не очень заняты? Могу я с вами поговорить?

Вахтерша откровенно скучала, не зная, чем бы себя раз-

влечь. Лариса это прекрасно видела, но все же решила польстить этой толстой тетке, настороженно смотрящей на нее. Когда другой человек – тем более хорошо одетая деловая дама – уважительно осведомляется, не отвлекает ли она вас от ваших дел, даже если этих самых дел у вас и нет, – это всегда приятно и производит впечатление.

Вот и сейчас – вахтерша моментально смягчилась и приветливо поздоровалась, уверив, что она нисколько не занята и готова уделить милой даме немного времени.

Лариса осведомилась, как зовут уважаемую вахтершу, представилась сама и начала разговор.

– Катерина Михайловна, вы знаете, что произошло на втором этаже? – решив не тянуть время, спросила Лариса.

– Это у телевизионщиков-то? Конечно, слышала. Милиция тут с утра бегает! А что?

– Они у вас уже спрашивали о тех, кто поздно уходил в эти два дня?

– Как же, как же, – сказала вахтерша, – спрашивали, только что я им могла ответить? Разве ж я всех угляжу, кто когда приходит? Нет, конечно, я им так и сказала.

– Ну, если несложно, повторите мне, пожалуйста, что вы конкретно рассказали милиции.

– Конкретно? – Катерина Михайловна наморщила лоб. – Единственное, что меня удивило, так это то, что на втором этаже в одном из кабинетов оставили свет невыключенным, вот и все. Я, когда обход делала в полночь, заметила. Горит

себе как миленький, а то, что свет сейчас дорогой, так это им ничего! Разориться же можно, если узнаешь, сколько они там энергии тратят! У меня муж – электрик...

– Ладно-ладно, – вклинилась Лариса, испугавшись, что сейчас тетку занесет в область обсуждения дороговизны коммунальных услуг, повышения тарифов... Политику еще вспомнит, не дай бог! – В каком кабинете свет-то горел?

– А в сто одиннадцатом, – лаконично сказала тетя Катя, обидевшись, что ей не дали поговорить на любимую тему.

В сто одиннадцатом? Лариса с трудом могла вспомнить номер дома, в котором находилась студия, а уж чтобы еще и номер комнаты... Неужели придется возвращаться? Лариса только-только повернулась к лестнице, чтобы подняться наверх, как вдруг увидела Мусю. Худенькая длинноногая девушка так быстро спускалась по чугунным ступеням, что казалось, она летит по ним, не касаясь их своими каблучками.

– Муся! Муся! – Ларе пришлось несколько раз окликнуть секретаршу, чтобы та все-таки притормозила возле вертушки-турникета.

– Ой, Лариса Викторовна, здрасьте, а вы тут какими судьбами?

Лариса вспомнила, зачем она, собственно, приезжала сюда, и охнула. Про телефон-то она и забыла!

– Я, Муся, телефон потеряла где-то здесь, – очень кстати «вспомнила» Лариса, – вот и приехала искать его. Вы не видели?

– Нет, – секретарша быстро-быстро завертела головой во все стороны, показывая – что, «ну вот те крест, не видала я твоего мобильного, не задерживай ты меня, ради бога, а то я ведь опоздаю». – Спросите у кого-нибудь другого, а я побежала, ладно?

– Нет, погодите. Мне еще кое-что нужно.

Глаза Муси стали почти умоляющими, словно она опаздывала или на свою свадьбу, или еще куда-то, где просто жизненно необходимо ее присутствие. Руки, державшие папку, нервно теребили ее завязки, ноги уже сами разворачивались в сторону двери. Но Муся все же решила уделить еще минутку Ларисе Викторовне.

– Я быстро, – пообещала Лариса. – Что находится в сто одиннадцатой комнате?

Личико Муси на секунду омрачилось. Она погрузилась и даже перестала теребить завязки папки.

– Димкина подсобка. Операторская. Он там камеру и пленки хранил. Теперь там все опечатано, менты работают.

– Да? Ну ладно, спасибо, Муся. До свидания.

– А телефон я ваш поищу, – на прощание крикнула секретарша и испарилась. На том месте, где она только что стояла, теперь быстро-быстро вертелся турникет.

«Значит, операторская, – сказала Котова сама себе. – И вчера вечером в ней кто-то был. Интересно, кто? И интересно, зачем он испортил мою пленку?»

«И мужские руки сильные де-ержат руль...»

Из радиоприемника звучала старая, но все еще трогающая душу песня про дальнобойщика. Сидевший за рулем нового «КамАЗа» мужчина взглянул на часы, затем вновь перевел взгляд на дорогу. Четыре часа утра, скоро рассвет, хотя в этих богом забытых местах из-за обложных туч вряд ли что-то можно увидеть. Только и понятно, что день, по чуть по-светлевшим сумеркам. «Дворники» без устали размазывали капли дождя по лобовому стеклу. В свете фар была видна темнота и летевшая наискосок пелена капель. Водитель вздохнул и, свернув к обочине, остановил трейлер.

До пункта назначения еще было ехать и ехать, но, извините, нужда свое берет. Морщась от мелкой водяной гадости, сыпавшейся сверху ему за воротник, мужчина спрыгнул из кабины прямо в лужу. Армейские ботинки тяжело захлопали по мокрой траве. Их владелец добрался наконец до кустов. В это время у него в кармане зазвенел мобильный.

– Твою мать, даже поссать не дадут!

Он, чертыхаясь, взял трубку, другой рукой помогая себе облегчиться.

– Але? Да, я. Че так рано звонишь? Да не сплю я, просто странно. Ты же никогда не звонил так рано. Че? Умер?!

Некоторое время мокрые кусты слушали отборнейший

русский мат. Выругавшись, мужчина почувствовал облегчение и пошел назад.

– Как это произошло? – спросил он у собеседника уже в кабине. – Ни хрена себе! Как Ольга? Что?! Лады, я скоро приеду, отбой!

Он сунул мобильник в карман выдавшей вида черной кожаной куртки, после чего пару минут сидел, тупо смотря на приборный щиток. В его голове вихрем проносились эпизоды из прошлого...

Вот вся их компания на студенческой вечеринке. Там они впервые увидели Ольгу, обалденно красивую, в черном обтягивающем комбинезоне, с ниспадающими волнами каштановых волос. Она была слегка под градусом, но пьяная распушенность придавала ей определенный шарм. О, она умела пить!

– Привет! А вы кто?

Ее голос он не забыл до сих пор, хотя Ольга досталась Димычу. После того как Димыч и Ольга стали жить вместе, бывшая крепкой и нерушимой компания с мехмата развалилась. Димыч перешел на свободный график обучения, подрабатывая оператором в какой-то студии. Макс стал грузчиком, хотя мог бы, как и Хоббит, устроиться программистом в какую-нибудь контору и зарабатывать непыльные денежки. Но Макс предпочел не гробить себя за компьютером, а стать рабочей лошадкой.

Все они были на пятом курсе. Только он, Михаил, или По-

тап, как звали его друга, бросил учебу.

Никто, кроме Димана, не удивился этому. Хоббит и Макс по-мужски поддержали своего братана, правда, Хоббит все же настаивал на продолжении учебы.

«Всего ведь год остался, Миха, ты подумай! Нефиг из-за бабы себе жизнь портить! Может, не поедешь никуда?»

Но Михаил к тому времени уже твердо решил, что уедет из города. Сначала подходящая работа не подворачивалась, но потом дядя, работавший в торговой фирме, устроил его водителем-дальнобойщиком. С тех пор вот уже около полу-года Михаил раскатывал по Восточно-Европейской равнине, развозя корма для животных. Время от времени он, конечно, жалел о своем скоропалительном решении, а когда был на той неделе в Тарасове, то вообще целый час стоял возле Ольгиного дома, размышляя, зайти или нет. В конце концов Диман – его друг, не самый плохой вариант для Ольги.

Он яростно потер глаза, начавшие уже слипаться, и откинул назад длинные черные волосы, вымокшие от дождя. Черт! Хватит уже воспоминаний! Ехать пора, а то он так и к девяти часам в поселок не приедет. Михаил захлопнул дверь кабины, покрутил ручку радио, поймав «Радио Шансон», после чего, насвистывая задорную песенку его тезки Круга про «симпатичного мальчишку», поехал дальше.

Тучи впереди постепенно расходились.

Вечером дома собралась вся семья: Лариса с жуткой мигренью, Евгений, опять на что-то обидевшийся и глядевший волком, и Настя, устроившаяся в гостиной и смотрящая телевизор.

Лариса лежала в кровати в своей комнате, мечтая о смерти. Голова болела немилосердно. Казалось, в ней происходит репетиция Великой Октябрьской революции. Вернее, уже ее последствия.

«Старею, наверное, – думала она, – раньше могла двое суток подряд на одном энтузиазме работать, а теперь обычная смерть человека выводит меня из строя на целый вечер».

Но смерть-то как раз и не была обычной. Здесь не простое пищевое отравление: Дмитрий умер от яда! Около двух часов назад Лара звонила Карташову, чтобы узнать, что же на самом деле случилось с Дмитрием. Оказалось, что оператора отравили такой дозой мышьяка, что ее хватило бы для усмирения целого батальона бешеных мышей. Точнее, не чистым мышьяком, а его особо ядовитой разновидностью – мышьяковистым водородом, иначе – арсином. Арсин имеет четко выраженный запах чеснока и дает классическую реакцию – мышьяковое серое зеркало в колбе при нагревании образца. После этого, да еще и после ужасной «пробки», в которую она попала, уезжая из ресторана домой, Лара и слегла. На ее

глазах отравили человека, а она ничего не заметила! Непростительно для детектива, пусть и любителя! А чутье? Неужели у нее его нет и вообще она – полная бездарность? Хотя, с другой стороны, вон сколько у нее раскрытых дел! Наконец ей надоело укорять себя, и Лариса встала с постели.

Она спустилась в гостиную, где перед телевизором вприпрыжку сидела Настя и грызла фисташки.

– Привет, – кивнула она, на секунду отвлекаясь от экрана, где в это время шла реклама. – Как жизнь? Почему ты такая бледная?

– Голова болит, – еле слышно ответила Лариса.

– Мигрень? – участливо спросила Настя. – Бедная мамочка, что же ты не спишь?

– Не знаю. Просто так сюда спустилась. А ты зачем так близко к экрану сидишь, глаза решила испортить?

– Видно, мигрень у тебя не настолько серьезная. Опять поучаешь! Сейчас новости будут, – добавила дочь и мечтательно потянулась, – а ведущий в них такой душка! Супер!

– Вот и смотри на свой «супер» с дивана. Настя, ну кому я сказала?

Настя нехотя встала и передислоцировалась на диван. На экране замелькали первые кадры заставки «Новостей Тарасова», идущих в шесть вечера по телеканалу «Тараском-ТВ», после чего перед Настей и Ларисой возник красивый молодой брюнет с потрясающе четкой линией бровей, слегка горбатым носом и хорошо поставленным голо-

сом. Впрочем, голос был не просто хорошего тембра – он был сексуальным, волнующим и бархатным. Так что даже факты о прошедшей выставке восковых фигур казненных преступников звучали как обещание любви.

«Он сделает себе карьеру, – подумала Лариса, – с такими-то данными. И отчего он на телевидение пошел? Ему бы в актеры».

Ведущий, которого звали Алексей Глазов, показался Ларисе смутно знакомым, но из-за головной боли она не смогла вспомнить, где же его видела.

– Ладно, любуйся на своего «душку», я спать пойду.

– Папа на кухне, – отреагировала дочь. – Он хотел с тобой поговорить.

– О чем, не знаешь?

– О «Чайке», кажется.

Лариса, которая собралась было проигнорировать желание мужа, невольно насторожилась. «Чайка» – это уже серьезно. Пусть ресторан не ее личное предприятие, пусть она всего лишь управляющий – все это только на бумаге. На деле же «Чайка» – ее родное детище, и все, что касалось ресторана, касалось и ее лично.

Лара поморщилась от головной боли, которая держала ее словно клещами и, похоже, не собиралась выпускать до утра, но все же пошла на кухню. Муженек сидел там и вспоминал Маяковского. Как только Лариса вошла, он громко и внятно произнес:

– «И лодка любви разбилась о быт!»

– Здорово, – сказала жена, садясь за стол, – цитируешь классиков, значит? И чем же тебя наш быт не устраивает?

– Быт – это значит «бытие совместное», – ответил муж, мутными глазами вглядываясь в бутылку, стоящую перед ним. – А у нас что с тобой? Бытие раздельное? Ты по своим делам, я по своим, а жизнь проходит мимо... мимо... Что я хотел сказать-то? А! Ну разве у нас полноценная семья? – вопрошающе протянул он к ней руку.

«О нет, только не это! – подумала Лариса. – Опять он за свое. Как же меня все это достало, честное пионерское».

– Ты, кажется, о «Чайке» хотел поговорить? – спросила она.

– Вот! – торжественно воздел палец к потолку Евгений. – Всегда одно и то же! Ты ни о чем, кроме ресторана, и думать уже не можешь! А о том, как у мужа дела...

– И как же у тебя дела?

– ...Может, у него проблемы... – не слушая ее, продолжал Котов. – Может, ему помощь требуется... А ты...

– Котов, у тебя проблемы?

– Да нет у меня никаких проблем! – взревел Евгений. – Я, может, любви хочу!

– Не кричи, у меня голова болит.

– Вот так всегда! Я же для тебя стараюсь, Ларочка, – перешел он на проникновенный тон. – Ты себя совсем угробила с этой работой, с этим хобби твоим дурацким! Ну женское

ли это дело – мразь всякую искать, а?

– Короче, Котов, если ты не про «Чайку», то я спать пойду. Нотаций мне и в школе достаточно прочитали.

– Да закрою я твою «Чайку»! – треснул по столу кулаком Котов. – И все!

Лариса пару секунд стояла, раздумывая, как поступить: треснуть ли по столу кулаком или лучше – по глупой мужниной голове? А может, просто уйти? Как ни странно, головная боль начала потихоньку проходить. То ли лекарство подействовало, то ли в предвкушении предстоящей схватки ее голова решила поработать.

– Котов, песик мой, – обманчиво ласково произнесла Лариса, – ты с дуба упал? Ты что это такое надумал? А?

– А что? – вызывающе переспросил Котов. – Дома будешь сидеть, а не п-по этим... по студиям всяким шляться!

– Да мы только за счет «Чайки» и живем! Всего бы этого «быта», который тебя так не устраивает, не было бы! Сидел бы сейчас в хрущевке, а не здесь, вот тогда бы и мог с полным правом жаловаться на отсутствие нормальных условий. Но не здесь!

– Ну и что? – упрямо набычился Котов, не выпуская из рук бутылку и колотя ею по столу.

«Сейчас она разобьется, как пресловутая лодка, – подумала Лариса. – А убирать кто будет?»

– Знаешь, дорогой, я не люблю скандалы, и ты меня лучше не трогай. Не ровен час – устрою тебе такое, чего ты вовек

не забудешь! – пригрозила Лариса.

– Слабо!

– Котов, – отеческим тоном сказала Лариса, – у тебя что, любовницы закончились? Что ты ко мне пристал?

– А на хрена мне эти любовницы, если у меня жена есть?

Котов оперся о столешницу, встал и подошел к ней. Как ни странно, запах коньяка не вызвал у Ларисы никакого отращения.

– У меня вон какая жена... красивая.

– Дурак ты, Котов, – ласково ответила жена. – С жиру бешишься.

– Знаю, – не стал спорить Котов. – А «Чайка», так и быть, пускай живет!

В общем, спали они вместе, и ночь была на удивление приятной.

* * *

На следующее утро Лариса проснулась свежей и бодрой, даром что голова вчера болела, да и полночи они с Котовым, так сказать, были одной семьей. Сейчас же Котов сладко сопел, лежа на половине своей огромной кровати. Лариса потянулась и встала.

Тихонько вышла из комнаты мужа и отправилась к себе. Потом, приняв душ, спустилась на кухню, сварила себе кофе и закурила, вдыхая аромат табака и своего любимого напитка.

ка. Сегодня она приготовила черный кофе по-президентски, как она его называла. Нужно засыпать только что смолотый кофе очень хорошего сорта, например настоящую «Арабику», в предварительно подогретый кофейник, чуть-чуть посолить и залить кипятком. Через пять минут, когда напиток настоится, его размешивают и переливают в другой кофейник, тоже подогретый. Такой кофе не требовал стояния у плиты и обычно помогал Ларисе думать. Вот и сейчас ее мозг медленно, но верно пробуждался от трехмесячной спячки, ставя перед Ларисой первые цели и задачи.

Для начала надо вернуть себе сотовый телефон. Хотя, если честно, эта мышинная возня со злосчастной трубкой начала уже порядком ее доставать. Проще новый купить. А тот человек, чей номер она потеряла, сам ей позвонил. Было очень неловко, так как Лариса привыкла выполнять свои обещания, но все обошлось.

Лариса взяла лежащую на столе трубку радиотелефона и набрала номер телестудии.

– Да? – после некоторого молчания взяла трубку Муся. Голос был заплаканным. – «Робин-Бобин» слушает. Кабинет директора.

– Мусечка, это Лариса Викторовна. Котова. Я бы хотела...

– Ой, здарсьте, Лариса Викторовна! У нас тут такое!.. Ой, я скоро с ума сойду с этими ментами! Алексей Владимирович такой молодец, взял и уехал! – неизвестно, чего было больше в этом возгласе: недовольства или зависти к шефу,

который умудрился смотаться с работы в это опасное для жизни время.

– Да? – переспросила Лариса, сбита с толку. – А при чем здесь он? Мне нужен...

– Нет, и неизвестно, когда будет, – не слушая ее, продолжала Муся. – Я скоро с ума... Впрочем, я это уже говорила. А вы что-то хотели ему передать?

– Нет, просто хотела с ним поговорить. У меня телефон пропал. Никто из ваших сотрудников его там не находил?

– Да что вы, здесь Содом и Гоморра в чистом виде! Все бегают, суетятся, всех допрашивают, снова и снова! Как вчера, только все еще хуже. До телефона ли... Вы знаете, что Диму отравили?

Лариса не успела ответить, как Муся продолжила дальше. Лара решила вообще ее не прерывать, внимательно слушая поток секретаршиных впечатлений, извлекая из него полезную, хотя и несколько ошарашивающую информацию.

– Каким-то арсином! По-другому... Короче, я не помню, как он по-другому называется. Жутко ядовитая штука! Ему ее столько в суп напихали, что я даже не знаю, как он вообще две тарелки съел! Ведь он после первой ложки должен был коньки отбросить. То есть зря я так, наверное. Он же умер, а я – «коньки»...

– Дмитрий съел две тарелки? – вклинилась Лариса.

– Да, ему так понравился суп, бедняжке. Ой, извините, Лариса Викторовна! У нас сначала думали, что это вы такой

суп сварили – отравленный, ну, чисто случайно. Но ведь никто больше не отравился. Кстати, с вас подозрения сняты.

– И на том спасибо, – тихо ответила Лариса, «чисто случайно» не отравившая целую съемочную бригаду, но секретарша ее не услышала, захваченная своими переживаниями.

– Представляете, нас всех заставили анализы сдавать. Ну там, моча...

– Муся, можно без подробностей?

– Ну как это – без подробностей! Кровь еще брали. Надо же мне с кем-то поделиться! Хотя вон Светка пришла... Ну да ладно, до свиданья, мне бежать надо. А о телефоне я спрашиваю, может, его видел кто.

– Ясно. Спасибо. До свидания.

Но секретаршу уже кто-то окликнул, и она бросила трубку, не попрощавшись. Котова тоже положила трубку. Полученная информация требовала осмысления.

«Но самое первое, – сказала она сама себе, – самое первое... Надо посмотреть, с чем я столкнулась».

В «Энциклопедическом словаре» значилось, что арсин очень ядовитый и пахнет чесноком. Кристаллический белый порошок.

«Ага, значит, вот оно что! Арсин был заранее добавлен в чесночную приправу, потому что он тоже пахнет чесноком. Возникают сразу три вопроса. Первый и второй – кто и когда это сделал? – не так важны, а вот третий – для чего, уже более существенен. Действительно, для чего? Неужели для

того только, чтобы убить оператора? Но это же чушь собачья! Как можно быть уверенным, что чесночную приправу будет есть только Дмитрий, а остальные проигнорируют ее? Любил ли Дмитрий чеснок или нет – я этого не знаю. Допустим, любил. И допустим, убийца был превосходно осведомлен о вкусах Дмитрия, он знал, что тот просто обожает чесночную приправу. И решил его таким образом отравить. Но как же тогда остальные? Какова должна быть причина, побудившая неизвестного убийцу всыпать отраву в приправу, чтобы при этом спокойно наблюдать, как будут травиться невинные люди? Ненависть? Возможно, но тогда должен быть более эффективный способ убийства, чтобы уж наверняка. Например, ударить топором по башке... или пистолет на худой конец. Но мышьяк? Это уже как-то мелодраматично, да и избито. Сколько народу им в прошлые века перетравили! Может, неизвестный убийца любит классику?»

Лариса тяжело вздохнула. Ни способ, ни место убийства не вызвали в ней желания работать. Попробуй-ка найди этого самого классика!

«Хотя, – двинулась дальше ее мысль, – может быть, убийца хотел отравить не одного Дмитрия, а всю съемочную бригаду, потому и всыпал яд в банку для общего пользования? Нет, это чушь! Зачем ему так поступать? Настолько не любит этот телеканал и решил провести своеобразную чистку телевизионных рядов? Но доступ к банке имел либо завхоз, либо кто-то из своих. Или он вообще решил убить кого-ни-

будь другого, а не оператора?

Но тогда опять же проще как-нибудь подсыпать порошок в чью-то конкретную тарелку, а не в банку – еще не факт, что кто-то будет брать из нее приправу. Может, у предполагаемой жертвы вообще не будет в этот день аппетита. Или его изжога одолеет, или он вообще заболит и не придет на работу. Что-то непонятное с этой банкой!

Ладно, с этим потом разберемся. Дальше. Если уж рассматривать версию «подсыпать в тарелку», то как можно незаметно это сделать, если вокруг толпится чертова уйма народа и все друг с другом разговаривают? Нереально. Сам собой напрашивается вывод, что гораздо эффективнее, безопаснее и проще, если уж на то пошло, другой способ убийства. А то ерунда какая-то получается».

Котова прикинула предстоящую работу – копаться в памяти свидетелей, да еще, может, кто-то и не согласится отвечать на ее вопросы! – и вздохнула. Во-первых, это целая куча не относящихся к делу воспоминаний. Во-вторых, неизбежные косые взгляды на нее, несмотря на то что обвинение с нее сняли.

Но это уж как в анекдоте: ложки украли, потом их нашли, а осадок – остался. В-третьих, нужно будет сопоставлять эту информацию, выявляя так называемую «придуманную», то есть ту, которую человек считает, что он видел нечто, а на самом деле ничего не видел, и реальную. А между ними бывает большая разница.

Нет, как ни любила Лариса свое хобби, но этой мутотенью заниматься ей не хотелось. Может, что-нибудь другое придумать? Пойти, так сказать, методом проб и ошибок?

Попробуем рассуждать логически. Раз убит Дима, то самое простое – предположить, что именно его и хотели убить. И неважно, что способ убийства был такой, мягко говоря, драматичный. Остальные версии оставим на потом. Итак, хотели убить именно оператора. За что? А вот это и нужно выяснять. Причем это уже более конкретные поиски, чем выяснение личности убийцы – того, кто мог кинуть в его тарелку яд.

«С кого бы начать, – думала Лариса, – со свидетелей или с близких убиенного? Пожалуй, близкие ему люди, родители или невеста, если таковая имелась, должны бы знать больше других о последних делах оператора. Значит, решено!»

Лара снова взяла трубку и набрала номер Карташова.

– Алло, полковник Карташов слушает! – прогудел бас.

– Привет, это Лара.

– А-а, привет! – бас полковника смягчился. Карташов почти заурчал, как кот, которого почесали за ушком. – Опять, значит, в историю вляпалась?

– Куда ж я без этого? – пошутила Лариса и перешла на серьезный тон: – Мне нужно знать все о семье вчерашнего убитого. Дмитрия...

Она замялась, словно вспоминая фамилию жертвы, но тут она хитрила. Фамилию Лариса не знала, но надеялась, что

Карташов заполнит паузу своевременной вставкой.

– ...Ласточкина? – не разочаровал ее старый друг. – А зачем тебе? Опять расследовать возьмешься? Ох, Ларка, и не надоело тебе, а?

И с чего это вдруг ее мужики стали возражать против ее хобби, возмутилась Лариса. То Котов, то теперь бывший любовник. Кошмар!

– Я все узнаю, а тебе засчитают еще одно раскрытое дело в актив. И тебе хорошо, и страна – без преступников, – заметила она.

– Патриотка! – хмыкнул Карташов. – О себе бы лучше подумала. Слушай, может, встретимся, а?

Лариса почувствовала в его голосе зловредные нотки и поняла, что полковник идет на шантаж. Либо они встречаются, и тогда Лариса, может быть, узнает все, что ее интересует, либо они не встречаются, но тогда итоги будут совсем грустными. Ни тебе удовольствия от общения со старым другом, ни тебе информации.

– Ладно, шантажист. Где?

* * *

Уже половина времени, отпущенного полковнику на обед, прошла, но Карташова как не было, так и нет. Половина посетителей кафе, которое находилось рядом с отделением РУ-БОПа, уже разошлась. Лариса недовольно посмотрела на ча-

сы и собралась было звонить своему непунктуальному другу, как тот вдруг возник возле столика с цветами и широченной улыбкой на грубом, но складно вылепленном лице. Когда-то они вдвоем неплохо наставляли рога Котову...

– Здравствуй, котик!

Он чмокнул ее в щеку и сел напротив. Лариса кивнула официанту, и тот быстро принес кофе и салат, приготовление которых Лариса обговорила заранее.

– Привет. По какому поводу цветы? – спросила она

Она понюхала розы, отметив, что красивые тугие бордовые бутоны совершенно не пахли. Но смотрелись цветы замечательно, да и стоять, наверное, будут долго.

– Просто так, от душевной щедрости. Да и вообще, разве для подарка обязательно нужен повод?

– Спасибо. Я эгоистично воспользуюсь твоей душевной щедростью и вытяну из тебя все, что мне нужно. Ты не против?

– Чисто женское желание, – вздохнул полковник. – Мужик им – палец, а они за всей рукой тянутся.

– Ну я же честно предупредила, – улынулась Котова. – Да ладно, не дуйся. Лучше поделись со мной своими безграничными знаниями.

– А ты мне что?

– Ничего, конечно.

– Ох и лиса ты, Ларуся! Но с незаконной передачей секретных сведений, которые не должны достичь ушей обще-

ственности, придется подождать.

– Отчего?

– Сначала тебе придется выслушать мои душевные излияния.

– Карташов, ты сегодня в ударе. Где ты нахватался таких цветистых выражений? Никак решил мемуары написать, вот теперь и входишь «в образ»?

– Да если бы, – тяжело вздохнул полковник, откидываясь на спинку пластикового кресла. Оно тут же закрипело, протестуя против тяжести полковничьего тела. Карташов поерзал немного и задумчиво взглянул на Ларису.

Лариса терпеливо ждала, несмотря на то что ей уже надо было бежать. Она обещала Степанычу приехать к двум часам пополудни, а на часах – уже почти два.

– У меня есть к тебе серьезный разговор.

– А в чем дело? – насторожилась Лариса.

– Понимаешь, Ларочка, – помявшись, сказал полковник. – Тут информация ко мне пришла... о жертве твоей кулинарии.

Лариса состроила гримаску и сосредоточилась, внимая словам друга и одновременно пробуя салат. На вкус блюдо получилось совсем не таким, каким задумывалось. Правда, чего еще ожидать от придорожной харчевни! Вместо гранатового сока в соус, похоже, добавили уксус. Додумались! С таким же успехом могли бы и «Боинг» заправить обычной соляной.

– Дмитрий Ласточкин, 1973 года рождения. Родился, вырос и умер в Тарасове. Причина смерти – отравление арсином, растворенным в черепаховом супе, приготовленном некоей Ларисой Котовой.

– Остряк! Ты мне лучше расскажи, с кем он близко общался. Друзья, враги, братья, сестры, любовницы...

– Любовница, вернее, девушка, у него была. Ольга Северцева, двадцать два года. Живут, точнее, жили, в одной квартире, которую снимали вместе, – ответил полковник.

– Адрес дашь?

Карташов тяжело вздохнул, но вынул из кармана легкой куртки свернутый вчетверо листок, который и протянул Ларисе.

Она благодарственно кивнула, разворачивая бумажку. После чего преисполнилась еще большей благодарности: на вырванном из тетрадки листке были адреса, имена и фамилии семьи Ласточкина.

– Олежка, ты прелесть! Что бы я без тебя делала?

– Ну должен же я как-то помогать бойцам невидимого фронта? – грустно сказал полковник, подпирая подбородок рукой и наблюдая, как Котова прячет листок в сумку. – А вообще проблема у тебя, Котова. Не знал, как тебе сказать, но никуда не деться.

– В смысле? – не поняла Лариса.

– В смысле, на банке-то твои пальчики нашли.

Лариса как-то сразу поняла, о какой банке идет речь, и

просто онемела.

– То есть? – справившись с непрожеванным куском, застрявшим в горле, прошептала она. – Ты хочешь сказать, что нашли якобы мои отпечатки на этой стеклянной фигуре с приправой?!

– Да, солнышко, – Карташов задумчиво пожевал губами. – Якобы твои. Так что сама понимаешь, что твое положение нынче – не позавидуешь. По идее, я тебя задержать должен. Задержать? Ее? Что за бред?

– Олег, как же это... – она была абсолютно сбита с толку, что крайне редко с ней происходило. – Олег, ты мне веришь? Я ее не брала! Я ее вообще впервые увидела, когда мне этот капитан, как его... Собачкин показал. Но я ее не трогала!

– Ларочка, успокойся!

– Да как тут успокоиться! – Лариса все же понизила голос до нервного шепота, так как некоторые посетители кафе уже стали оглядываться на них. – Кто-то против меня бочку катит, а я, значит, как покорная овца, должна успокоиться? И лапки сложить?

– Ну, зная тебя, я не сомневаюсь, что ты-то как раз поступишь наоборот! – усмехнулся Карташов. – Ты, главное, не нервничай и не переживай! Я тебе кто, друг или враг?

– Друг, надеюсь, – буркнула Лариса.

– Спасибо за неуверенный тон, но я не в обиде. Итак, солнышко, слушай. О наличии твоих пальчиков на банке знаю только я, Сашка и эксперт. Но эксперт – мой должник, я ему

кое в чем помог, так что он распространяться на эту тему не будет.

– Олег, я тебя не понимаю...

– Не паникуй! Я тебя не узнаю, Лариса.

– А тебя каждый день в убийстве обвиняют? Тем более – в убийстве незнакомого человека! – панически спросила Лариса, чувствуя, что уже срывается на истерику. Она глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки. Почти получилось. По крайней мере она смогла внимать словам Карташова, озабоченно смотревшего на нее. Лариса взяла в руки салфетку и стала ее комкать.

– Так вот, я торможу это дело. Слышишь? Иду, можно сказать, на должностное преступление, но есть ради кого, – сказал полковник.

– Спасибо, – прошептала Лариса.

– Проверка у нас только что прошла, так что с этой стороны я могу ничего не опасаться, но, сама понимаешь, притормозить дело я смогу ненадолго. У тебя есть форы два, максимум три дня. Рой землю, копай, ищи, я знаю, ты это умеешь. У тебя пока есть свобода действий.

Это «пока» неприятно покорибило Ларису. От этого слова веяло какой-то неизбежностью. Но выбирать не приходилось, следовало напрячь все силы и из-под земли достать того ублюдка, который решил все свалить на нее!

– Я пока могу ссылаться на отсутствие мотива, так как ты и жертва были незнакомы. Вы ведь были незнакомы?

– Конечно! – с негодованием воскликнула Лариса.

– Вот и ладушки. Ладно, котик, не переживай. Я постараюсь тебе недельку выкроить. Как раз хватит, чтобы сухарей насушить.

– Спасибо, Карташов, ты умеешь человека утешить.

– Ага, – почти весело сказал полковник, – зато в глазках злой огонек появился, а не трусливые искорки. Желаю удачи, буду звонить, но и ты держи меня в курсе дела.

– Еще раз спасибо, – она поднялась и взяла сумочку.

Кошелек она не стала доставать, так как у них с полковником уже были стычки по этому поводу. Бравый офицер считал, что платить за женщину должен мужчина, даже если в кафе его пригласила сама женщина. Лара была не настолько эмансипированна, чтобы возражать ему, несмотря на то что разница в доходах у них была весьма существенной. Хочется ему деньги тратить – да ради бога!

– Ну ладно, – чмокнула она Карташова в щеку, – счастливо! Пойду я.

– Кстати, обязательно позвони мне, – сказал полковник. – Расскажешь, как дела. И не кисни!

– Постараюсь, – через силу улыбнулась Котова. – Если я раскисну, кто мне помогать будет? Никто. Вот я и держу себя в руках.

Конечно, упоминая о том, что ей бы никто не помог в случае ареста, Лариса безбожно кривила душой, так как есть у нее муж Котов, есть весьма влиятельные и, что немаловаж-

но, богатые друзья семьи, есть и сам Карташов наконец, но тут уже дело принципа. Допустим, ее вытащат из тюрьги – Ларису даже передернуло, когда она произнесла про себя это слово, – но тогда все вокруг будут говорить, что ее отмазали только с помощью денег! Нет, это не пойдет. Надо не просто найти преступника, но даже и не проходить подозреваемой по этому делу. А то она, Лариса, всех посетителей от «Чайки» отпугнет! Все надо сделать быстро и тихо.

«В конце концов, – про себя заметила Лариса, – недавно полученным званием полковник Карташов вообще-то обязан мне. Сколько я подобных дел распутала? А награда вся – ему! Но я никогда не сердилась и не жадничала, понимая, что такова жизнь. Поможешь ты, помогут и тебе. Так что с этой стороны можно быть хоть немного спокойней».

Рассуждая таким образом, Лариса ехала в ресторан и старалась вернуть себе бодрое расположение духа. Первым делом нужно дать распоряжение Степанычу, чтобы он последил за ресторанными делами в ее отсутствие. Старый администратор уже давно привык к этому, но проконтролировать его все же не помешает.

* * *

Розы лежали на столе. Поставить их в вазу никак не удалось – руки не доходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.